

ЧЕТВЕРТАЯ

Русская книга для чтенія.

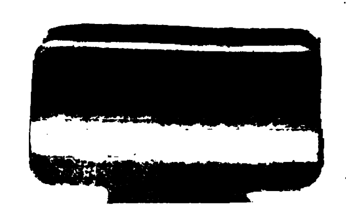
Графа Л. Н. Толстого.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Четырнадцатое изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
1906.

ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстого.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Четырнадцатое изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV-й КНИГИ.

Царь и рубашка. (Сказка).

Одинъ царь былъ боленъ и сказалъ: «половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ». Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ царя вылѣчить. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что царя можно вылѣчить. Онъ сказалъ: если найти счастливаго человѣка, снять съ него рубашку и надѣть на царя,—царь выздоровѣетъ. Царь и послалъ искать по своему царству счастливаго человѣка; но послы царя долго ѣздили по всему царству и не могли найти счастливаго человѣка. Не было ни одного такого, чтобы всѣмъ былъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да бѣденъ; кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша, а у кого дѣти не хороши; всѣ на что-нибудь да жалуются. Одинъ разъ идетъ поздно вечеромъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему — кто-то говоритъ: «вотъ слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?» Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, а рубашку отнести къ царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубашку; но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было и рубашки.

Камышъ и маслина. (Басня).

Маслина и камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышемъ за то, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря: камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра—и сломилась.

Волкъ и мужикъ. (Сказка).

Гнались за волкомъ охотники. И набѣжалъ волкъ на мужика. Мужикъ шелъ съ гумна и несъ цѣпъ и мѣшокъ.

Волкъ и говоритъ: «мужикъ, спрячь меня,—меня охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ волка, спряталъ его въ мѣшокъ и взвалилъ на плечи. Наѣзжаютъ охотники и спрашиваютъ мужика: не видалъ ли волка?

— «Нѣтъ, не видалъ».

Охотники уѣхали. Волкъ выскочилъ изъ мѣшка и бросился на мужика, хочетъ его съѣсть. Мужикъ и говоритъ:

— «Ахъ, волкъ, нѣтъ въ тебѣ совѣсти: я тебя спасъ, а ты жъ меня съѣсть хочешь». А волкъ и говоритъ:

— «Старая хлѣбъ-соль не помнится».

— «Нѣтъ, старая хлѣбъ-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси, — всякій скажетъ, что помнится». Волкъ и говоритъ:

— «Давай, пойдемъ вмѣстѣ по дорогѣ. Кого перваго встрѣтимъ, спросимъ: забывается-ли старая хлѣбъ-соль или помнится? Если скажутъ: помнится,—я пущу тебя, а скажутъ: забывается,—съѣмъ».

Пошли они по дорогѣ, и повстрѣчалась имъ старая, слѣпая кобыла. Мужикъ и спрашиваетъ: «скажи, кобыла, что помнится старая хлѣбъ-соль или забывается?»

Кобыла говоритъ:

— «Да вотъ какъ: жила я у хозяина 12 лѣтъ, принесла ему 12 жеребятъ, и все то время пахала да возила, а прошлымъ годомъ ослѣпла и все работала на рушалкѣ; а вотъ намедни стало мнѣ не въ силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвостъ подъ кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду—сама не знаю». Волкъ и говоритъ:

— «Мужикъ, видишь, — старая хлѣбъ-соль не помнится». Мужикъ говоритъ:

— «Погоди, еще спросимъ».

Пошли дальше. Встрѣчается имъ старая собака. Ползетъ, задъ волочитъ.

Мужикъ говоритъ:

— «Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлѣбъ-соль или помнится?»

— «А вотъ какъ: жила я у хозяина 15 лѣтъ, его домъ стерегла, лаяла и бросалась кусаться, а вотъ состарилась, зубъ не стало,—меня со двора прогнали, да еще задъ оглоблею отбили. Вотъ и волочусь, сама не знаю куда, подальше отъ стараго хозяина».

Волкъ говоритъ:

— «Слышишь, что̀ говоритъ».

А мужикъ говоритъ:

— «Погоди еще до третьей встрѣчи».

И встрѣчается имъ лисица. Мужикъ говоритъ: «скажи лиса, что, помнится старая хлѣбъ-соль или забывается?»

А лиса говоритъ:

— «Тебѣ зачѣмъ знать?»

А мужикъ говоритъ:

— «Да вотъ бѣжалъ волкъ отъ охотниковъ, сталъ меня просить, — и я спряталъ его въ мѣшокъ, а теперь онъ меня съѣсть хочетъ».

Лисица и говоритъ:

— «Да развѣ можно большому волку въ такой мѣшокъ умѣститься? Кабы я видѣла, я бы васъ разсудила».

Мужикъ говоритъ:

— «Весь помѣстится, хоть у него сама спроси».

И волкъ сказалъ: «правда».

Тогда лисица говоритъ:

— «Не повѣрю, пока не увижу. Покажи, какъ ты лазилъ».

Тогда волкъ всунулъ голову въ мѣшокъ и говоритъ: «вотъ какъ».

Лисица говоритъ:

— «Ты весь влѣзь, а то я такъ не вижу».

Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ. Лисица и говоритъ мужику:

«теперь завяжи». Мужикъ завязалъ мѣшокъ. Лисица и говоритъ:

— «Ну теперь покажи, мужикъ, какъ ты на току хлѣбъ молотишь». Мужикъ обрадовался и сталъ бить цѣпомъ по волку.

А потомъ говоритъ: «а посмотри, лисица, какъ на току хлѣбъ отворачиваютъ»,—и ударилъ лисицу по головѣ и убилъ, а самъ говоритъ: «старая хлѣбъ-соль не помнится!»

Два товарища. (Басня).

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ. — Дѣлать было ему нечего—онъ упалъ на земь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: «ну чтò»,—говоритъ,—«медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что — плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

Прыжокъ. (Быль).

Одинъ корабль обошелъ вокругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-ти лѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему или плакать.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шля-

пу и стала зубами и лапами рвать ее. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на нее, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣяться, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его, полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой *) за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать ее нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззадорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что̀ выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину, покачивая руками, всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться — и онъ бы вдребезги разбился о палубу. Да если бъ даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что̀ будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и зашатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ

*) У обезьянъ 4 руки.

изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ *). Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же прицѣлился въ сына и закричалъ: «Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! застрѣлю!» Мальчикъ шатался, но не понималъ. «Прыгай или застрѣлю!... Разъ, два...» и какъ только отецъ крикнулъ: «три»— мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодцовъ матросовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ 40— онѣ долги показались всѣмъ—вынырнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобы никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

Дубъ и орѣшникъ. (Басня).

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ».

«Я живу 200 лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько же».

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

---

*) Морскія птицы.

Вредный воздухъ. (Быль).

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодецъ былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— «Александръ! слазяй, батюшка, въ колодецъ,—я бадью упустила». Александръ сказалъ:

— «Ты упустила, ты и доставай.» Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ,—только, чтобы онъ спускалъ ее.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— «Ну, пойдемъ. Ты теперь натощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать».

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодецъ, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «Еще, что ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодецъ и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодецъ.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое, но никто

не зналъ, что̀ дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодецъ, что̀ будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!»—и Ивана вытащили.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый: но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его за два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали осматривать колодецъ, то узнали, что точно,—внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Дурной воздухъ. (Разсужденіе).

Дурной воздухъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не могутъ.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы, и прежде, чѣмъ человѣку итти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если

лампа тухнетъ, то и человѣку нельзя итти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть.

Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стои́тъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака — какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? Онъ дѣлается изъ того самого хорошаго воздуха, какимъ мы дышимъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ, и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, на войнѣ, индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ. Ихъ заперли въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться,—и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не проходило, — сдѣлался дурной воздухъ, похожій на тотъ, что̀ былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышатъ, то собираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

Волкъ и ягненокъ. (Басня).

Волкъ увидалъ,—ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось волку съѣсть ягненка и сталъ онъ къ нему придираться. «Ты», говоритъ, «мнѣ воду мутишь и пить не даешь».

Ягненокъ говоритъ: «Ахъ, волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ пью». А волкъ говоритъ: «Ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣ-

томъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: «Да я, волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «Тебя не переговоришь. Такъ я натощакъ, за то и съѣмъ тебя».

Удѣльный вѣсъ. (Исторія).

Греческій царь Гіеронъ Сиракузскій заказалъ своему золотыхъ дѣлъ мастеру Димитрію золотую корону для идола Юпитера и далъ 12 фунтовъ золота. Димитрій сдѣлалъ корону, и когда царь ее свѣсилъ, то въ коронѣ было ровно 12 фунтовъ. Только царь прослышалъ, что Димитрій укралъ много золота и въ корону подмѣшалъ серебра. Царю хотѣлось доискаться, много ли подмѣшано серебра въ коронѣ, и онъ велѣлъ ее перетопить, чтобы видѣть середину. Былъ одинъ умный и ученый человѣкъ, родной царю, Архимедъ. Онъ сказалъ царю: «не вели ломать корону, чтобы даромъ не пропала работа; а я, не ломаючи короны, узнаю, сколько въ ней серебра и сколько золота. Царь согласился съ Архимедомъ, и Архимедъ сдѣлалъ такъ:

Онъ взялъ фунтъ золота и фунтъ серебра и свѣсилъ ихъ просто на вѣсахъ, а потомъ свѣсилъ ихъ въ водѣ. Фунтъ золота въ водѣ потянулъ на одну гирьку меньше, чѣмъ прежде, а фунтъ серебра на двѣ гирьки меньше.

Потомъ Архимедъ всю корону свѣсилъ въ водѣ, позвалъ царя и сказалъ: «Съ фунта чистаго золота, если вѣсить въ водѣ, остается гирька; а если вѣсить серебро въ водѣ, остаются двѣ гирьки съ фунта; стало-быть, если корона вся изъ чистаго золота и въ ней 12 фунтовъ, то въ двѣнадцати фунтахъ надо снять съ вѣсовъ 12 гирекъ. Вотъ смотри». Онъ положилъ на вѣсы 11 фунтовъ и сталъ вѣшать корону въ водѣ. Корона не потянула двѣнадцати фунтовъ безъ 12 гирекъ, а меньше. Сняли еще гирекъ, Архимедъ и говоритъ: «Вотъ сколько тутъ снято лишнихъ гирекъ, на столько Димитрій и обманулъ тебя». Такъ Архимедъ вѣрно узналъ, сколько было серебра подмѣшано въ корону.

Левъ, волкъ и лисица. (Басня).

Старый больной левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провѣдывать царя, только лисица не бывала. Вотъ волкъ обрадовался случаю и сталъ предъ львомъ оговаривать лисицу.

— Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ, ни разу не зашла царя провѣдать.

На эти слова и прибѣги лисица. Она услыхала, что̀ волкъ говоритъ, и думаетъ: «погоди-жъ, волкъ, я тебѣ вымещу».

Вотъ левъ зарычалъ на лисицу, а она и говоритъ:—«Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосугъ было. А недосугъ было оттого, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала».

Левъ и говоритъ:

— Какое лѣкарство?

— А вотъ какое: если живого волка обдерешь, да шкуру его тепленькую надѣнешь...

Какъ растянулъ левъ волка, лисица засмѣялась и говоритъ:

— Такъ-то, братъ; господъ не на зло, а на добро наводить надо.

Царское новое платье. (Сказка).

Одинъ царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему одинъ разъ два портные мастера и говорятъ: «мы можемъ сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только, если кто глупъ, и къ своей должности не годится, тотъ платья нашего не можетъ видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ тотъ рядомъ будетъ стоять и не будетъ видѣть платья нашей работы». Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сшить на себя платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и дали имъ бархату, шелку, золота,—всего, что̀ нужно было для платья.

Когда прошла недѣля, царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово, и показали министру пустое мѣсто. Министръ зналъ, что если кто глупъ и къ своей должности не годится, то тотъ не можетъ видѣть платья, и онъ притворился, что видитъ платье и похвалилъ. Царь велѣлъ себѣ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто. Царь тоже притворился, что онъ видитъ новое платье, снялъ свое старое платье и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда царь пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу,— всѣ видѣли, что на царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ платья, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только про себя, что онъ не видитъ, а думалъ, что другіе всѣ видятъ. Такъ царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачокъ увидалъ царя и закричалъ: «смотрите: царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!» И царю стало стыдно, что онъ не одѣтъ, и увидали, что на царѣ ничего не было.

Лисій хвостъ. (Басня).

Человѣкъ поймалъ лисицу и спросилъ ее: «Кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ?» Лисица спросила: «Какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ, что̀ есть силы». Человѣкъ сказалъ: «Нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить, вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ, а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «Мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ; а дѣлаемъ это для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ, и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо,—мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую,— такъ, какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу

поворотиться. Это не наша выдумка: это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда онъ сотворилъ насъ,—для того, чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ».

Шелковичный червь. (Разсказъ).

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмена эти темно-сѣрыя, и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя: только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ.

Сѣмячки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной пошелъ я въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовникѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмячекъ были уже не темно-сѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія еще свѣтлѣе съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они, видно, почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно было ихъ разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бу-

магу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья, и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я такъ же наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползли по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ прежде чѣмъ спускаться изо рта выпуститъ паутину и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится, и если хочетъ спуститься— спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ; это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на 5-й день точно одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что выростаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!»

Я пришелъ и увидалъ, что точно,—этотъ червякъ прицѣпился старою шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится-извивается,—какъ бы выбраться хочетъ, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что это у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ—для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ такъ же выбирались изъ своихъ рубашекъ; и только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они были уже ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, чтó они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое, и сталъ кружить голо-

вой и выпускать шелковую паутину, такъ, что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было: а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной: онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три для онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть, сколько разъ надо мотнуть червячку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300.000 разъ. Значитъ, онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но, глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все-таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что̀ будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже—не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но подумалъ: не такъ ли начинается? и сталъ смотрѣть, что̀ будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что̀ это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на головку съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая, — и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ — мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ,—задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась, и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя, 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5,000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

Царь и слоны. (Басня).

Одинъ индѣйскій царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ и, когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слѣпые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ ощупалъ ногу, другой—хвостъ, третій—рѣпицу *), четвертый—брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, осьмой—хоботъ. Потомъ царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: «слоны твои похожи на столбы»; этотъ слѣпой щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: «они похожи на вѣники»; этотъ щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: «они похожи на сучья»; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: «слоны похожи на кучу земли». Тотъ, что щупалъ бока, сказалъ: «они похожи на стѣну»; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: «они похожи на гору»; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: «они похожи на платки»; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: «они похожи на ступу»; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: «они похожи на рога»; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ: «что они похожи на толстую веревку».

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

Охота пуще неволи. (Разсказъ охотника).

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: итти ли теперь отыскивать этого медвѣдя или подождать три дня, пока медвѣдь уляжется.

*) Рѣпица—та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

Стали мы спрашивать мужиковъ-медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ медвѣжатникъ говоритъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней чрезъ пять обойти можно, а теперь за нимъ ходить — только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ-медвѣжатникъ спорилъ со старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно. «По этому снѣгу», говоритъ, «медвѣдь далеко не уйдетъ, — медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «Да что̀ спорить. Вы дѣлайте, какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду. Обойдемъ — хорошо, не обойдемъ—все равно дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадки снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ; а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. «Надо», говоритъ, «бросать слѣдъ. Должно-быть, здѣсь ляжетъ. Присаживаться сталъ — на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ; только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ — слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу.

Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ — какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно, что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «Теперь смотрѣть нечего на дорогу; гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво, видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь свороти́тъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди — слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли — что̀ за чудо! слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ», говоритъ, «это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду, такъ и есть. Видно, медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «Теперь вѣрно обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ.

Пошли мы въ обходъ, по частому ельнику. Я ужъ умори́лся, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь, то промежъ ногъ елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ я ужъ уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ какъ въ лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Ни зацѣпитъ нигдѣ, ни свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ, и все меня понукаетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ, — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впереди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ. Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «Видишь сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалече его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ серединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ, какъ въ банѣ, весь, какъ мышь, мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну», говоритъ, «баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы: ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верстъ 12-ть будетъ. Дойдемъ ночью, а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я, какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣпко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я—что̀ за чудо! Гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надо мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ—разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый, и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу, и что это деревья въ снѣгу и въ инеѣ мнѣ за палаты показались, а огни—это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ: и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздается. Одинъ разъ только живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло, увидали слѣды заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Итти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхають, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо, какъ пушокъ, липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно на встрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ,—точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ,—я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру собрать загонщиковъ-мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю: товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— «А гдѣ Демьянъ?»—«Онъ уже давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ; а теперь повелъ загонщиковъ заводить». Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ наверху, и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу.

Видимъ: въ низочкѣ дымокъ синѣетъ, и народъ стоитъ,— мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, картошку пекутъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человѣкъ—только по поясъ ихъ видно—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело итти; за то падать некуда,—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ: ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобы къ нему шли.

Подошли мы къ нему, показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

Налѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ-загонщикъ. Противъ меня частый, молодой ельникъ въ ростъ человѣка, и на ельникѣ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ рединѣ ельника дорожка, засыпанная снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. Направо отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня въ трехъ шагахъ большая сосна. «Дай стану у сосны, и ружье другое къ ней прислоню». Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое со взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричитъ въ лѣсу Демьянъ.

«Пошелъ! въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ на кругу, закричали мужики разными голосами: «Пошелъ! Уууу!..» кричали мужики. «Ай! И-ихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли, молчали и не шевелились, ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочитъ, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ налѣво слышу я, въ снѣгу обваливается что-то, только далеко. Глянулъ я на высокій ельникъ: шаговъ въ 50, за деревьями, стоитъ что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю: шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Сбоку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище. Нацѣлился я сгоряча. Хлопъ! — слышу: шлепнулась о дерево моя пуля. Смотрю изъ-за дыма,—медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся

за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло; теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а ужъ не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричать мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу, не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно—на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьянъ съ палочкой, безъ лыжъ, по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу; присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу: товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ!—выпалилъ. «Ну», думаю, «убилъ». Только, смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. «Видно промахъ или плохо попалъ,—уйдетъ», думаю, «теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ уже не выскочитъ!» Что̀ такое? Впереди себя слышу вдругъ — какъ вихрь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой: а онъ прямехонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно, со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти весь мнѣ виденъ: грудь черная, и головища огромная съ рыжинкой. Летитъ прямехонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ, куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ,—а уже онъ еще ближе.—Вижу не попалъ, пулю пронесло; а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него, въ голову. Хлопъ!—вижу, попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ меня. «Ну», думаю, «хорошо, что онъ бросилъ меня». Сталъ я подниматься, слышу—давитъ меня что-то,

не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ и слышу, забираетъ онъ въ пасть все лицо мое. Носъ мой ужъ у него во рту, и чую я—жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди, изъ пасти носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу: зацѣпилъ онъ зубами верхней челюстью въ лобъ подъ волосами, а нижней челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ—жамкнетъ, жамкнетъ. Я вывернусь, онъ опять забираетъ. «Ну», думаю, «конецъ мой пришелъ». Слышу, вдругъ полегчало на мнѣ. Смотрю нѣтъ его: соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся; вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ, какъ былъ, безъ ружья, съ одной хворостиной, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ: «Барина заѣлъ! Барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «Ахъ, ты баломутный! Что̀ дѣлаетъ! Брось! Брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо, а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» Видимъ: медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить,— ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ,—хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду

мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли итти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучело, и оно лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

Насѣдка и цыплята. (Басня).

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «Полѣзайте опять въ скорлупу; когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ. Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ цыпленокъ и сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты бы лучше и не выводила насъ».

Газы. (Разсужденіе).

1.

Воздухъ бываетъ разный, хотя онъ всегда свѣтлый и не видный.

Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало—сухой. Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышатъ люди, воздухъ бываетъ дурной, нездоровый; а на открытыхъ мѣстахъ или въ лѣсу—воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ оттого, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ

дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть, въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ. Эти разныя вещества, разные газы смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ или съ виномъ. Если въ воду налить водки, то вода и водка перемѣшаются такъ, что глазомъ не разберешь, — есть ли въ водѣ водка или нѣтъ, и много ли ея или мало. Но понюхать — и можно разобрать; такъ и въ воздухѣ бываетъ разная смѣсь, и глазами ничего нельзя видѣть, а можно только почувствовать, когда долго подышишь. Въ хорошемъ воздухѣ дышать пріятно и здорово, въ дурномъ тяжело и иногда вредно.

Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая *кислородомъ*. Если собрать этотъ газъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало-быть, отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Оттого воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла, сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее; зажми со всѣхъ сторонъ, и она погаснетъ.

Другая часть воздуха — *азотъ*. Въ немъ дышать нельзя и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха—углекислый газъ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Этого газа мало въ воздухѣ, но онъ вездѣ есть. Когда же его наберется много, то онъ опускается и собирается внизу, потому что онъ тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха—водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышимъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а за то больше углекислоты, Вотъ отчего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышать, только они не втягивають въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбирають его всѣми листочками и молодою корой. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало-быть, растеніямъ нужна углекислота, которая не нужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ углекислоты меньше и кислорода больше.

Газы. (Разсужденіе).

2.

Если въ ведро съ водой набросать камней, пробокъ, соломы, дерева сухого и сырого, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смѣшать, и потомъ посмотрѣть, чтò будетъ дѣлаться, то увидишь, что камни, глина, песокъ пойдутъ на дно, сухое дерево, солома, пробки, масло всплывутъ кверху, соль и водка распустятся, такъ что ихъ не будетъ видно. Все это будетъ сначала кружиться, шевелиться, толкать другъ друга, а потомъ все найдетъ себѣ мѣсто и разстановится: чтò тяжелѣе, то скорѣе пойдетъ книзу; что легче, то скорѣе пойдетъ наверхъ.

Точно такъ же въ воздухѣ, надъ землею, размѣщаются всѣ газы. Какіе тяжелѣе воздуха, тѣ садятся ниже; какіе легче, тѣ поднимаются выше; какіе могутъ распуститься, тѣ расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не дѣлались новые, не смѣшивались бы съ другими, не перемѣнялись бы, то воздухъ бы стоялъ надъ землею и не шевелился бы, какъ вода въ ведрѣ, когда она устоится; но на землѣ безпрестанно дѣлаются новые газы, и тѣ, какіе есть, смѣшиваются съ другими веществами.

Каждый человѣкъ, каждое животное когда дышитъ, то выбираетъ изъ воздуха кислородъ и въ самомъ себѣ смѣшиваетъ его съ веществами своего тѣла, а выпускаетъ уже другимъ газомъ. Всякое растеніе — трава, дерево—забираетъ въ себя

углекислоту и выпускаетъ кислородъ. Вода въ одномъ мѣстѣ изъ жидкой дѣлается летучею, водянымъ газомъ, невидимымъ паромъ; въ другомъ мѣстѣ изъ летучей воды дѣлается жидкая. Отъ этого въ воздухѣ всегда ходятъ разные газы: какіе легче, тѣ идутъ вверхъ, какіе тяжелѣе, тѣ опускаются внизъ, и ходятъ газы безпрестанно, какъ въ ведрѣ съ водой разныя вещества. Но всего больше весь воздухъ шевелится и ходитъ оттого, что—какъ онъ гдѣ нагрѣется, такъ поднимается кверху, а какъ остынетъ, такъ идетъ книзу. Когда въ солнечный день солнце съ боку свѣтитъ въ окно, то въ лучахъ солнца видно, какъ кружатся и прыгаютъ кверху и книзу пылинки. Это кружится теплый и холодный воздухъ и носитъ съ собою легкія пылинки.

Левъ, оселъ и лисица. (Басня).

Левъ, оселъ и лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и левъ велѣлъ ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ поровну на три части и говоритъ: «Ну, теперь берите!» Левъ разсердился, съѣлъ осла и велѣлъ лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, умница! Кто жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлить?»

Она говоритъ: «А съ осломъ-то что̀ было?»

Старый тополь. (Разсказъ).

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья—тополь и черемуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе а главное,—мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что

я думалъ: всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землею ихъ сочные коренья, какъ потомъ вчетверомъ мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно, я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло наоборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь уже умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ то же лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

Черемуха. (Разсказъ).

Одна черемуха выросла на дорожкѣ изъ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я—рубить или не рубить её: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ её, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить её. Когда я пришелъ, уже онъ врубился въ неё вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», — подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить её. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой, и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время, точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ срединѣ дерева; мы налегли, и какъ будто заплакало,—затрещало въ срединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ! штука-то важная!» сказалъ мужикъ. «Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Какъ ходятъ деревья. (Разсказъ).

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потомъ пришла черемуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять, какъ могла тутъ вырасти такая старая черемуха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила её, и черемуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ; а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ её въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень. Когда я срубилъ её, мы съ мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она какъ будто прилипла. Я сказалъ: «посмотри, не зацѣпили-ли гдѣ?» Работникъ подлѣзъ подъ неё и закричалъ: «Да у ней другой корень, вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это была правда.

Черемуха, чтобы её не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новый былъ свѣжій. Она почуяла, видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черемуха на дорогѣ. Она тоже вѣрно сдѣлала,—но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

Дергачъ и его самка. (Басня).

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо и въ покосъ еще самка сидѣла на яицахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, чтò дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю, онъ обрадовался, прилетѣлъ къ дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ; они пришли рѣзать змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А дергачиха сказала: «мужики рѣжутъ траву, а съ травой рѣжутъ всё, чтò ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце; а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобы не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

Какъ дѣлаютъ воздушные шары. (Разсужденіе).

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, то пузырь выскочитъ наверхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно такъ же, если кипятить чугунъ воды, то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется паръ, немножко водяного газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ наверхъ. Сперва выскочитъ одинъ пу-

зырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая: тогда вода *кипитъ*.

Такъ же, какъ изъ воды выскакиваютъ наверхъ пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, — такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь, надутый газомъ—*водородомъ*, или горячимъ воздухомъ, потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху, и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ того воздуха, который тяжеле водорода. А когда выскочитъ наверхъ, въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ, и въ горлышкѣ придѣлаютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртъ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ въ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ, французы, братья Монгольфьеры, выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха; шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду: полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шару, подвязываютъ подъ него

лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое и даже по восьми человѣкъ и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, въ шару сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется, и кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ, газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того, на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче, и онъ пойдетъ кверху. Если кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу неладно,—или рѣка или лѣсъ, то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

Разсказъ аэронавта.

Народъ собрался смотрѣть на то, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ подрагивалъ, рвался вверхъ на четырехъ канатахъ и то морщился, то надувался. Я простился съ своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, всѣ ли мои припасы были по мѣстамъ, и закричалъ: «пускай!» Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся кверху, сначала тихо,—какъ жеребецъ сорвался съ привязи и оглядывался,—и вдругъ дернулъ кверху и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть ее, какъ ужъ я былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобрать людей. Первую минуту мнѣ стало жутко, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ такъ стало весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу какъ на картинкѣ. Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ,—такъ мнѣ весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ на меня вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слыхать было, лечу

ли я или стою на мѣстѣ. Я только потому замѣчалъ, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые,—на днѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пѣть. Я запѣлъ: но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце стояло еще высоко, но на закатѣ тянулась туча,— и вдругъ она закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ-нибудь, досталъ барометръ и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто барометръ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидалъ голубка. Я вспомнилъ, что взялъ голубка затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Я написалъ на бумажкѣ, что я живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ, какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перышками, когда я взялъ его въ руку. Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ, какъ камень, книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и почувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я или сломалось что-нибудь,—клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слыхать было, чтобы я поднимался, ничто не шевелилось, но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. «Если я не остановлю шаръ», подумалъ я, «то онъ лопнетъ, и я пропалъ». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ, я выбросилъ бумажки изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли

книзу. Значитъ, я, какъ стрѣла, летѣлъ кверху. Я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу, клапанъ открылся, засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку,—бумажка полетѣла около меня и поднялась. Значитъ, я опускался. Внизу все еще ничего не было видно, только какъ море тумана разстилалось подо мной. Я спустился въ туманъ: это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой опять чашку земли. Но не было еще нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы—рѣки. Опять мнѣ радостно стало на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидалъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я, какъ камень, летѣлъ внизъ. Я сталъ скидывать балластъ, чтобы задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ и у лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса народа и стада. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ имъ веревки. Сбѣжался народъ. Я увидѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву, и я вышелъ. Я леталъ только 3 часа. Деревня эта была за 250 верстъ отъ моего города.

Корова и козелъ. (Сказка).

У старухи были корова и козелъ. Корова и козелъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на; еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ козелъ впередъ коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ, но козелъ стоялъ, не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба коровѣ, чтобы стояла смирно. Старуха видитъ, что козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды!» подумалъ козелъ. «Я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили».

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

Воронъ и воронята. (Басня).

Воронъ свилъ себѣ гнѣздо на островѣ, и когда воронята вывелись, онъ сталъ ихъ переносить съ острова на землю. Сперва онъ взялъ въ когти одного вороненка и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда старый воронъ вылетѣлъ на средину моря, онъ уморился, сталъ рѣже махать крыльями и подумалъ: теперь я силенъ, а онъ слабъ, я перенесу его черезъ море; а когда онъ станетъ великъ и силенъ, а я стану слабъ отъ старости, вспомнитъ ли онъ мои труды и будетъ ли переносить меня съ мѣста на мѣсто? И старый воронъ спросилъ вороненка: «Когда я буду слабъ, а ты будешь силенъ, будешь ли ты носить меня? Говори мнѣ правду!» Вороненокъ боялся, что отецъ броситъ его въ море, и сказалъ: «буду». Но старый воронъ не повѣрилъ сыну и выпустилъ вороненка изъ когтей. Вороненокъ, какъ комокъ, упалъ книзу и потонулъ въ морѣ. Старый воронъ одинъ полетѣлъ черезъ море назадъ на свой островъ. Потомъ старый воронъ взялъ другого вороненка и также понесъ его черезъ море. Опять онъ уморился на срединѣ моря и спросилъ сына, будетъ ли онъ его въ старости переносить съ мѣста на мѣсто. Сынъ испугался, чтобы отецъ не бросилъ его, и сказалъ: «буду».

Отецъ не повѣрилъ и этому сыну и бросилъ его въ море. Когда старый воронъ прилетѣлъ назадъ къ своему гнѣзду, у него оставался одинъ вороненокъ. Онъ взялъ послѣдняго сына и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда онъ вылетѣлъ на средину моря и уморился, онъ спросилъ: «будешь ли ты въ моей старости кормить меня и переносить съ мѣста на мѣсто?» Вороненокъ сказалъ: «нѣтъ, не буду». «Отчего?» спросилъ отецъ,

«Когда ты будешь старъ, а я буду большой, у меня будетъ свое гнѣздо и свои воронята, и я буду кормить и носить своихъ дѣтей». Тогда старый воронъ подумалъ: онъ правду сказалъ, за то потружусь и перенесу его за море. И старый воронъ не выпустилъ вороненка, а изъ послѣднихъ силъ замахалъ крыльями и перенесъ на землю, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтей.

Солнце—тепло. (Разсужденіе).

Выйди зимой въ тихій морозный день въ поле или въ лѣсъ, и посмотри кругомъ себя, и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ, свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой,—онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ въ огонь: станетъ ледъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть, загудитъ, завертится. Тоже дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла—все мертво; есть тепло—все движется и живетъ. Мало тепла—мало движенья; больше тепла—больше движенья; много тепла—много движенья; очень много тепла—и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свѣтѣ? Тепло отъ солнца.

Ходитъ солнце низко зимой, стороною, не упираетъ лучами въ землю, и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами, станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ, отогрѣвается всё на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать лёдъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь. Кто это все сдѣлаетъ? Солнце. Оттаютъ сѣмячки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчёлы; выведутся комары, выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ? Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, подымется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе, — станетъ вѣтерокъ. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Поднимутся облака, станутъ сходиться и расходиться, — ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь? Солнце.

Выростутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ? Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ? Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ; деревья выростило солнце.

Топится печка дровами. Кто выростилъ дрова? Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто выростилъ? Солнце. Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ? Травы. А травы выростило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Всё, что людямъ нужно, что идетъ прямо на пользу, всё это заготовляется солнцемъ, и во всё идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупитъ солнечнаго тепла; и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и выпуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движеніе. Какое ни на есть движеніе—всё отъ тепла, — либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце: въ углѣ, въ дровахъ и въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ,—что ихъ *двигаетъ*?

Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло. А воду кто гонитъ? Тепло же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ,— ее движетъ паръ; а паръ кто дѣлаетъ? Дрова. А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движеніе, а изъ движенія тепло. И тепло и движеніе отъ солнца.

Отчего зло на свѣтѣ. (Басня).

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать отчего зло бываетъ на свѣтѣ.

Воронъ сказалъ: «Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь вволю, сядешь себѣ на сукъ, покаркаешь—все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается, такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то, и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ-за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы мы жили по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живемъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя — все о ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ пропадешь,—все думаешь: какъ бы ястребъ не унесъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и

залетишь въ бѣду, — либо подъ ястреба, или въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому уже ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ! Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «Нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы, — намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься,—тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь да ползаешь, ищешь кого бы укусить. Уже никого не жалѣешь—до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «Нѣтъ, не отъ злости и не отъ любви и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь, что̀ есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица трепещется или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь — звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки,— набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ размаху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

— Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ.

Гальванизмъ. (Разсужденіе).

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что̀ такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шел-

комъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку, укрѣпленную въ стеклѣ, и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра отъ сургуча и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перышки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ, и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ ее лѣчить. Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ электрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ, какъ живыя, шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не отъ того ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ, и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный жолобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ, и онѣ начнутъ шевелится

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да, снимаючи, тронулъ лягушечьей ногой о жолобъ,—и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу,—и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только отъ того, что въ нихъ электричество, и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо и отъ этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый Вольта сталъ пробовать по-своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани, не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзною проволокой, а либо мѣдною проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзной съ желѣзнымъ крючкомъ,—и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзною проволокой, связанною съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведетъ вмѣстѣ желѣзо и мѣдь, такъ и дѣлается электричество; а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать, какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза, онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости— воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно, какъ прежде дѣлали, тереть, чтобы было электричество; а стоитъ только положить въ

одну чашку кусковъ разнаго металла и налить жидкостей, и въ этой чашкѣ будетъ электричество и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики: въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ на землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ: такъ что электричество между двухъ мѣстъ, не переставая, ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ,—по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Если по проволокѣ пустить электричество и проволокою этой обмотать кусокъ желѣза, то желѣзо это сдѣлается магнитомъ и будетъ къ себѣ притягивать другое желѣзо.

Телеграфъ дѣлаютъ такъ: пустятъ электричество по проволокѣ, и проволокою этой обмотаютъ желѣзный столбикъ. А надъ столбикомъ придѣланъ на перевѣсѣ желѣзный молоточекъ. И пока электричество ходитъ по проволокѣ, желѣзный столбикъ, обмотанный проволокой, притягиваетъ къ себѣ молоточекъ. Какъ только на другомъ концѣ—хоть за 100 верстъ—разведутъ концы проволоки врозь, электричество перестаетъ ходить кругомъ, и желѣзный столбикъ перестаетъ быть магнитомъ и молоточекъ отъ него отпадаетъ. Какъ сведутъ опять концы, такъ молоточекъ притягивается. И такъ можно съ одной станціи на другую постукивать молоточкомъ. И по этимъ стукамъ уговорены знаки.

Мужикъ и водяной. (Басня).

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку; съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ говоритъ: «нѣтъ, не мой».

Водяной вынесъ другой, серебряный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ: «не мой топоръ».

Тогда водяной вынесъ настоящій топоръ.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ».

Водяной подарилъ мужику всѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры и разсказалъ, что̀ съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотого топора и его собственнаго назадъ не отдалъ—за его неправду.

Воронъ и лисица. (Басня).

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось лисицѣ мяса, она подошла и говоритъ:

— Эхъ, воронъ, какъ посмотрю на тебя,—по твоему росту да красотѣ только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бы у тебя голосъ былъ.

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ, что̀ было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говоритъ:

— Ахъ, воронъ, коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ.

Кавказскій плѣнникъ. (Былъ).

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло разъ ему письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха

мать: «стара я ужъ стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ, поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умна, и хороша, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ можетъ, и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать; а если невѣста хороша и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, а телѣга съ его вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ—дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, а укрыться негдѣ. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли,—опять стоятъ. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ—ускачу. Или не ѣздить?...»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ и говоритъ:

— Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми.—А Костылинъ—мужчина

грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ — не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разговариваютъ, да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье, Жилинъ говоритъ:

— Надо выѣхать на гору, поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ-за горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— Что̀ смотрѣть? поѣдемъ впередъ. Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь налѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за неё сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь, а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами, — человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать, и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чехловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— Вынимай ружье! — а самъ думаетъ на лошадь свою: «матушка, вынеси, не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ,—закатился, что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ — дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ къ солдатамъ—думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе,

да и наперерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ—близится къ нему съ красною бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье наготовѣ.

«Ну,—думаетъ Жилинъ,—знаю васъ, чертей, если живого возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой»...

А Жилинъ хоть невеликъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху,—навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужъ на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, — да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами, до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная,—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется, — онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красною бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется ли-

цомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылокъ изъ-подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переѣхали еще рѣчку: стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки.

Пріѣхали въ аулъ *). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали каменьями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и крикнулъ работника. Пришелъ ногаецъ скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

2.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ въ щелкѣ — свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога — подъ гору идетъ, направо сакля татарская, два дерева подлѣ нея. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ, хвостиками подергиваютъ. Видитъ — изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распоясской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ

*) Татарская деревня.

жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго въ одной рубашкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красною бородой, въ бешметѣ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бороду красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ, безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь, только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ—хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ—отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше; бешметъ шелковый, синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то, точно ругается, и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ исподлобья косится на Жилина. А черноватый,—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ,—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: «корошо урусъ»! корошо урусъ!»

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «пить, воды пить дайте!»

Черный смѣется. «Корощъ урусъ»,—все по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобы пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса: На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками, на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшаны бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ—какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба прѣснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— «Ай-да! хозяинъ, ай-да!»

Тоже не знаетъ по-русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ итти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ—деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобы къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по-своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хоро-

шая, стѣны глиной гладко вымазаны. Къ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ, ружья, пистолеты, шашки, все въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ одних башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское—буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками, и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина въ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ, залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ: смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ. Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта.

Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣни, подули на всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по-русски.

— Тебя,—говоритъ,—взялъ «Кази-Мугамедъ»,—самъ показываетъ на краснаго татарина, и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату,— показываетъ на черноватаго. —Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ.—Жилинъ молчитъ.

Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина, и смѣется, и приговариваетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ».

Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ: «а много ли онъ хочетъ выкупа?»

Поговорили татары: переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Жилинъ,—я этого заплатить не могу.

Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говоритъ Жилину,—все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «сколько же ты дашь?»

Жилинъ подумалъ и говоритъ: «500 рублей».

Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ. А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они; переводчикъ и говоритъ:

— Хозяину выкупу мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, въ яму пасадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ,—думаетъ Жилинъ,—съ ними, что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки жъ не дамъ, да и писать не стану Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину.

— Урусъ,—говоритъ,—джигитъ, джигитъ урусъ!

Джигитъ, по-ихнему, значитъ «молодецъ». И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ:

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: больше 500 рублей не дамъ. А убьете,—ничего не возьмете.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный, на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ,—узналъ Костылина, и его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ

другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было: Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкупъ дастъ, того прежде отпустятъ.

— Вотъ, говоритъ Жилину, ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный; онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо и обижать не будутъ.

Жилинъ говоритъ:

— Товарищъ, какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите убивайте,—пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ, какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучокъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще, говоритъ Жилинъ, переводчику, скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ, обулъ, какъ слѣдуетъ, чтобы держалъ вмѣстѣ, — намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ. Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ — пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять — уйдутъ. На ночь только снимать буду. Подскочилъ, треплетъ по плечу.—Твоя хорошъ, моя хорошъ!

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ,—чтобъ не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно—съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

3.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется. — Твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ. — А кормилъ плохо, — только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другого не писалъ.

«Гдѣ», думаетъ, «матери столько денегъ взять, за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что̀ я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ—и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать. Ходитъ по аулу, насвистываетъ; а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ, или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь, Динка, увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что̀ будетъ.

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала,

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ, какъ ребенка, сама по-своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась за нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу еще лучше,—отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думаетъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко,—«хорошо», говоритъ. Какъ взрадуется Дина.

— Хорошо, Иванъ, хорошо!—и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя и сушатъ ихъ на крышѣ, — такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то разъ рѣзалъ хозяинъ барана, — такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый, какъ изъ ведра, лилъ. И помутились всѣ рѣчки, гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвочки лоскутковъ, — одѣлъ онъ куколъ: одна—мужикъ, другая—баба: утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня, мальчишки, дѣвчонки, бабы: и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, Урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ.

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ: опять сладилъ отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ, — и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать: кто замокъ на ружье или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчикъ, и подпилочекъ.

Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастіе татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли къ нему, — когда нужно кличутъ: Иванъ, Иванъ! а которые всё, какъ на звѣря, косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только, когда онъ въ мечеть приходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано, бородка и усы подстрижены,—бѣлые какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые и зубовъ нѣтъ, — только два клыка. Идетъ бывало въ чалмѣ своей, кыстылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору—посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды—черешни, шептала, и избушка съ плоскою крышкой. Подошелъ онъ ближе; видитъ—ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше, посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся—какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— Я, говоритъ, ему худого не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ.—Передалъ хозяинъ.

А старикъ злиться, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего; понялъ только, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это̀ за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, бо̀гатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ по̀ръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку—Богу молиться. Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить, — я за тебя деньги заплатилъ; да я тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не сталъ, — кабы слова не далъ. — Смѣется, самъ приговариваетъ по-русски: — твоя Иванъ хорошъ, моя Абдулъ хорошъ!

4.

Пожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни тёръ и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы», думаетъ, «мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону итти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ на гору, — хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я,—говоритъ,—далеко не уйду,—только на ту гору поднимусь: мнѣ траву нужно найти,—вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ, шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни, за сараи, лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче, а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ, бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; коегдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. «Ну», думаетъ: «и это все ихняя сторона». Сталъ смотрѣть въ русскую сторону: подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія, видно, — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже, гора, и чрезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ: такъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло: изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться,—маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонятъ — коровы ревутъ. Малый все зоветъ «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну», думаетъ Жилинъ, «теперь мѣсто знаю; надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи

были темныя, ущербъ мѣсяца. На бѣду къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собою скотину, и пріѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, а привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ, рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— Алла! и всѣ проговорили: «Алла»—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ, какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки, да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышемъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла!—Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ, ведетъ красный кобылу за деревню, а за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя,—вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ

кобылу и началъ свѣжевать—кулачищами шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали.

Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поѣхали человѣкъ 10-ть, и красный поѣхалъ: только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

«Ну», думаетъ Жилинъ, «нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать?—мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ, въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ,—насъ убить хотятъ.

Подумалъ, подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

5.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобы и Костылину пролѣзть; и сидятъ они,—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была — пёстрая собака, и злая презлая: звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ, — забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ, Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайтъ! гайтъ! Уляшинъ!»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трётся ему о ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все; только слышно, овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Темно; звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ, какъ молоко, бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: «ну, братъ, айда!»

Тронулись: только отошли, слышатъ—запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ—пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— Ну, съ Богомъ! Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднёшеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону итти. Въ туманѣ свѣжо, итти легко, только сапоги не ловки—стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише —говоритъ,—иди: сапоги проклятые, всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ,—еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживутъ, а догонятъ—убьютъ,—хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ, покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ—вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ,—говоритъ,—ошиблись мы,—вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть,—у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ.

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, влѣво въ гору, въ лѣсъ.

Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ всё идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть—лѣсъ. Вошли въ лѣсъ,— по колючкамъ изодрали всё платье послѣднее. Напались на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— Стой! Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они, опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ,—стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышитъ. «Что за чудо!» Свистнулъ Жилинъ потихоньку,—какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу, точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь—какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли,—не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ—верстъ десять еще будетъ; а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночь—не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду,—у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду,—прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ, впереди топаетъ лошадь. Слышно—подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть,—сюда, къ намъ конный ѣдетъ.

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ—верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычитъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ,—вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу,—ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны,—онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко,—услышитъ. А самъ думаетъ: «Онъ и вправду разслабъ; что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну,—говоритъ,—вставай, садись на закорки, снесу, коли ужъ итти не можешь.

Посадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только,—говоритъ,—не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину,—ноги тоже въ крови и уморился. Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобъ повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно, услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ, ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по-своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ,—не попалъ, завизжалъ по-своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— Ну,—говоритъ Жилинъ,—пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ, за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три,—пропали.—А самъ думаетъ на Костылина: «И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ».

Костылинъ говоритъ:—Иди одинъ, за что̀ тебѣ изъ-за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, попёръ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ, у дороги родничекъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай,—говоритъ,—отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно-быть, недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ—затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышать голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравляютъ. Слышатъ—трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары—тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три,—встрѣчаетъ ихъ Абдулъ хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдулъ уже не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плётками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ-подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что̀ съ ними дѣлать. Одни говорятъ: надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ, я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить,—и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину сталъ ему говорить:

— Если,—говоритъ,—мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать,— я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти, и спустили ихъ въ эту яму.

6.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто не печеное, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ, видитъ—дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ о вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣнки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху, а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: «не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ, затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли, и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ—зашуршало что-то наверху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ

ямой. Глазенки такъ и блестятъ какъ звѣздочки; вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему.

Жилинъ взялъ и говоритъ: — Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ!—Сталъ ей швырять по одной.

А она головой мотаетъ, не смотритъ.—Не надо,—говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ:—Иванъ! тебя убить хотятъ.— Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ, ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ,—что «нельзя». Онъ сложилъ руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя,—говоритъ,—увидятъ, всѣ дома,—и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что̀ будетъ?» Всё поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; глянулъ кверху—шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ;—шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ, — звѣзды высоко на небѣ блестятъ; и надъ самою ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ: «Иванъ, Иванъ!» а сама руками у лица все машетъ, — что «тише, молъ».

— Что?—говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ: я тебя подсажу.

Костылинъ и слушать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не вытти. Куда я пойду, когда и поворотиться нѣтъ силъ.

— Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ.—Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шесть, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался, — колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ, — выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ ручонками за рубаху, изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шесть и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.

Потащила она шесть, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій,—никакъ ни собьётъ, да и неловко. Слышитъ, бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручонки тонкія какъ прутики, — ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ,—налѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну», думаетъ, «до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ,—да надо итти.

— Прощай,—говоритъ,—Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.—Ухватилась за него Дина: шаритъ по немъ руками, ищетъ— куда бы лепёшки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо,—говоритъ,—умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ?—И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина, закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно, монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на ко-

лодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ,—ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ итти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, — побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Уже зарѣво посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ,—бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ, какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу, — никто ни попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сталъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать», думаетъ, «буду тащиться, пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ,—лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами,—да Жилинъ издалека ихъ услыхалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. «Ну», думаетъ, «еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ тридцать шаговъ, видитъ, лѣсъ кончается. Вышелъ на край— совсѣмъ свѣтло, какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и налѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется и люди у костровъ.

Вглядѣлся—видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами,

пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ, тутъ, въ чистомъ полѣ увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ — глядь: налѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его,—пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились къ нему—на перерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣднею силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ пятнадцать было.

Испугались татары,—не доѣзжаючи, стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: «кто онъ, что за человѣкъ, откуда!» А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! Братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было и говоритъ:

— Вотъ я и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

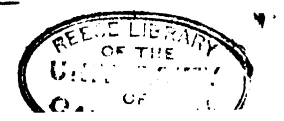
И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еле живого привезли.

Микулушка Селяниновичъ. (Сказка—стихи).

Выѣзжалъ ли Вольга̀-свѣтъ съ дружи̇́ною
По села̀мъ, городамъ за полу̀чкою
Съ мужико̀въ выбирать дани-вы̀ходы:
Выѣзжа̀лъ-ли сударь во чисто̀-поле,—
Услыха̀лъ во чисто̀мъ полѣ па̀харя:
Слышно—па̀шетъ мужикъ да посви̇̀стыва(е)тъ,
Сдалека̀, слышно, сошка поскри̇̀пыва(е)тъ,
Сошники̇̀ по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не ви̇̀дно нигдѣ въ полѣ па̀харя.
И поѣхалъ Вольга̀ къ тому па̀харю—
Цѣлый дѐнь ѣхалъ съ утра до̀ вечера,
А наѣхать не могъ Вольга па̀харя.
День другѝй ѣхалъ съ утра до̀ вечера,
А наѣхать не могъ Вольга па̀харя.
Слышно па̀шетъ мужикъ, да посви̇̀стыва(е)тъ
Сдалека̀, слышно, сошка поскри̇̀пыва(е)тъ,
Сошнички̇̀ по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не ви̇̀дно нигдѣ въ полѣ па̀харя.
Третій дѐнь Вольга ѣхалъ до па̀бѣдья—
Наѣзжа̀етъ Вольга въ полѣ па̀харя:
Въ полѣ па̀шетъ мужикъ, да пону̀кива(е)тъ,
Съ края въ кра̀й онъ бороздку отва̀лива(е)тъ,
Камни, ко̀рни сохо̀й вывора̀чива(е)тъ:
Какъ заѣ̀детъ мужи̇̀къ-отъ въ оди̇̀нъ конецъ —
Со друго̀го конца и не ви̇̀днушко.
А у па̀харя со̀шка клено̀венька,
Сошники̇̀ во той сошкѣ була̀тные,
Захлесну̀ты гужочки шелко̀веньки,
А кобы̀лка во сошкѣ соло̀венька.
Взговори̇̀тъ ли Вольга тому па̀харю:
«Гой мужи̇̀къ-пахарёкъ! Божья по̀мощь тѣ,—
«Божья по̀мощь пахать да крестья̀нствовать,
«Широку̀ борозду отвора̀чивать,
«Да корѐнья, каменья вывѐртывать!»
Говори̇̀тъ ли мужикъ таковы̀ слова:
«А спаси̇̀бо; Вольга,—благода̀рствуемъ,—
«Божья по̀мощь, подитка, намъ на̀добна.
«Божья помо̀щь—пахать, да крестья̀нствовать,

«Самъ далёко ль ѣдешь, со дружинушкой?
«Далеко ль Богъ несётъ,—куда путь держишь?»
Взговоритъ ли Вольга таковы слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой
«По селамъ-городамъ за получкою—
«Выбирать съ мужиковъ дани-выходы.
«Ай, пойдёмъ со мной во товарищахъ!»
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстёгнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ охлѣпью—
Со Вольгою поѣхалъ въ товарищахъ.
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
—«А не ладно, Вольга, я въ бороздочкѣ
«Свою сошку оставилъ не убранну,
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернуть,
«Съ сошничковъ какъ бы землю повытряхнуть,
«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ»...
Посылалъ тутъ Вольга десять молодцовъ:
«Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ молодцы,
Соскочили въ борозду съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку.
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошниковъ землю вытряхнуть,—
А и бросить сошку за ракитовъ кустъ.
А и шлётъ ли Вольга всю дружинушку:
Велитъ сошка съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ земельку повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ бралась за сошку кленовую:—
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ деревенщина:

Онъ слѣзалъ съ кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попехивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытрёхивалъ,
Онъ палицей комлыжки соскребывалъ,
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли,—поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку—
Мужикова кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцой пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется,—
Во всю прыть Вольга ѣдетъ сугоною.
Мужику тутъ Вольга сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
«Ты, мужикъ-пахарёкъ, ты постой, пожди,
«За тобою, мужикъ, не угонишься».
На Вольгу тутъ мужикъ пріоглянулся,
Сталъ кобылку свою окорачивать,—
И поѣхали шагомъ дорожкою.
Взговоритъ ли Вольга таковы слова:
«У тебя ли, мужикъ, лошадь добрая—
«Кабы лошадь твоя да конькомъ была,—
«За лошадку цѣна-бы пятьсотъ рублей».
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь
«Я кобылочку взялъ изъ-подъ матери.
«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;
«А конькомъ бы была—ей и смѣты нѣтъ».
Взговоритъ ли Вольга таковы слова:
«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени,—
«Величать тебя какъ по изотчеству!»
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
—«А я ржи напашу, во скирды сложу,
«Домой выволоку, дома вымолочу.
«Да и пива сварю, мужиковъ сзову,
«И почнутъ мужики тутъ покликивать:
«Гой, Микула-свѣтъ, ты Микулушка,
«Свѣтъ Микулушка да Селяниновичъ!»

208225
Tolstoi